

Т. А. Черемовская

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЁМЫ В ПЕРВОЙ КНИГЕ ЭПИГРАММ МАРЦИАЛА

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск;

tanyastarling@mail.ru;

науч. рук. – Е. П. Литинская, канд. филол. наук

Целью работы стал анализ средств выразительности в эпиграммах первой книги Марциала. В результате проведённого исследования выяснилось, что поэт редко использует тропы. Сравнения служат для создания полноты образов, а метафоры и разновидности метонимии – для возвышенного слога. Чаще всего Марциал прибегает к иронии и риторическим вопросам, которые раскрываются через игру слов. Автор статьи утверждает, что в использовании художественных средств отражается и философия Марциала – его понимание собственного творчества и восприятие себя как поэта.

Ключевые слова: художественные тропы; эпиграмма; ирония; Марциал.

Эпиграммы Марциала построены в основном на иронии и игре слов, однако в его стихах также присутствуют и художественные средства. Несмотря на то, что они не играют большой роли для создания сатиры, тем не менее представляют интерес: выразительные средства помогают понять, как создаются образы и стиль эпиграмм, а иногда даже раскрывают философию самого поэта. В первой книге эпиграмм встречаются метафоры, метонимия, синекдоха, антономасия, литота и ирония.

Для понимания творчества Марциала важно рассмотреть литоту в эпиграммах, где поэт говорит о своём творчестве. Марциал использует часто уменьшительное *libellos* – «книжечки», «стишата» (напр., 1.2; 1.4; 1.52), или «*parvus liber*» – «маленькая книга» (1.3), что показывает уничижительное отношение поэта к собственному труду как к чему-то незначительному. Литота акцентирует краткость стихов. Средство используется не только потому, что поэт писал эпиграммы как малый жанр, но и потому что противопоставлял своё творчество эпической форме, которая была распространена в его эпоху. Поэт использует литоту и для других целей, например, в эпиграмме 1.92 до Цеста домогается Мамуриан, и чтобы показать, в каком положении находится Цест, Марциал использует литоту: *Saepe mihi queritur non siccis Cestos ocellis // tangi se digito, Mamuriane, tuo* (Часто мне жалуется не сухими Цест глазками // Тронул своим пальцем, Мамуриан, ты). Цеста нужно пожалеть – он плачет, образ раскрывается через лексему «глазки»,

так у чытацеля возникает образ совсем несчастного и жалкого человека. Литота используется для контраста, для эмоционального противопоставления с Мамурианом – жестоким обидчиком. В эпиграмме 1.9 за счёт литоты создаётся инвектива. Марциал показывает своё пренебрежительное отношение к Котте, который хочет казаться «большим», «великим», *magnus*, а он лишь *pusillus* – крошечный, ничтожный; он лишь пустышка: *Bellus homo et magnus vis idem, Cotta, videri. // Sed qui bellus homo est, Cotta, – pusillus homo est.* (Милый человек и великий хочешь также, Котта, казаться. // Но кто милый человек есть, Котта, – крошечный человек есть).

В эпиграммах первой книги часто встречается метафора. Марциал использует троп, когда имитирует возвышенный слог. Частотны метафоры, обозначающие «смерть». Например, «*ad Stygias aequum fuerat*» («К теньям стигийский сошёл») (1.114), «*condidit hic natae cineres*» («спрятал тот ребёнок пепел») (1.114). Схожие, а иногда и дословные метафоры, встречаются уже у Гомера, поэтому здесь можно говорить о перифразе. Рассмотрим уникальную метафору в эпиграмме 1.107. Здесь говорится не о конкретной человеческой смерти, а о забывании поэта: *Maecenas Flacco Vergilioque suo, – condere victuras temptem per saecula curas, // et nomen flammis eripuisse meum.* (Некогда Флакку сумел вместе с Мароном своим, – что одолеют века труды, попытаюсь создать я, // имя свое от огня этим дерзнув уберечь). В эпиграмме Марциал противопоставляет себя Вергилию, которого запомнят, потому что он написал «великий» труд, но это противопоставление возникает не на основании мастерства или таланта, Марциал противопоставляет себя Вергилию в самой жизни поэтов. Марциал утверждает, что написал бы *aliquid magnum*, но у него нет денег, нет мецената, тогда как у Вергилия такая возможность была. Для Марциала важен оплачиваемый литературный труд – он часто пишет об этом. В конце эпиграммы возникает сравнение с быком, который отказывается пахать землю, если на ней ничего не вырастет: по мнению поэта, нет смысла трудиться и стараться, когда почва бесплодна, когда за работу не заплатят. Через художественные средства мы узнаём философию самого поэта. Противопоставление возникает не только на смысловом, но и на лексическом уровне. В первой книге встречается ещё одна метафора, обозначающая страсть. В 1.63 Лавиния поддаётся страсти – входит в пламя («*incidit in flammis*») и изменяет мужу. В этой эпиграмме метафора используется для создания возвышенного слога наравне с другими художественными средствами. Например, здесь присутствует сравнение: непорочность Лавинии сравнивается с чистотой «древних сабинянок».

Подобные сравнения с мифологическими или историческими личностями в первой книге встречаются нечасто. Обычно Марциал сравнивает людей с животными, которые служат средством создания грубой инвективы, ведь сравнение человека с животным а ргіогі уничижительно (будем точнее – уничижительно сравнение с животным вроде пса или свиньи). Именно подобными сравнениями и пользуется Марциал, поэтому мы встречаем сравнения вроде «как пёс». Сравнения важны для создания образов, как в эпиграмме про Лавинию. Иногда сравнения употребляется для «игривости» стихов. Например, в 1.43 Марциал сравнивает хозяина дома с Харидемом – преступником, которого в наказание растерзал кабан на арене: *Ponatur tibi nullus aper post talia facta, // sed tu ponaris cui Charidemus apro*. (Положил тебе никакого кабана после такого, // а ты будешь положен как Харидем кабану). Манцин пригласил гостей на праздник и подал лишь одного невзрачного (небольшого) кабана. Марциал очень сердится по этому поводу и желает хозяину дома такой же участи, что и Харидему: «Чтоб тебе больше ни в жизнь кабана не едать никакого, // а чтоб попался ты сам, как Харидем». С помощью сравнения Марциал показывает своё отношение к ситуации, высказывает своё недовольство, а также создаёт «игривость», которую Марциал называет важной составляющей своих эпиграмм.

Реже всего в первой книге Марциал использует метонимию и её разновидности. Они служат в первую очередь для лексического разнообразия. Например, синекдоха практически не встречается в первой книге и используется лишь для художественности эпиграмм, например, 1.22: «*Praeda canum lepus est, vastos non implet hiatus – non timeat Dacus Caesaris arma puer*». В эпиграмме говорится о войнах Домициана с даками. Здесь под выражением «дакийский мальчик» подразумевается все племя. Иногда приём используется для замены имени. В частности, антономасия используется в эпиграммах там, где говорится о том, кого нельзя называть – о Домициане. Марциал ни разу не назвал его по имени в своих стихах: Домициан скрывается либо под «Цезарем», либо под образом льва. В 1.6: «*Quae maiora putas miracula? Summus utrisque // auctor adest; haec sunt Caesaris, illa – Iovis*». Император законодательно запретил обличать высокопоставленных лиц, к тому же Домициан многое сделал для Марциала, поэтому, в силу обстоятельств, поэт не может назвать императора по имени в своих эпиграммах и использует приёмы антономасии. В этой эпиграмме поэт при помощи тропа обыгрывает приказ императора называть его «господином и богом» – «Цезарем» и «Юпитером».

Самым частым художественным приёмом является использование иронии. Она встречается практически в каждой эпиграмме первой книги. Ирония Марциала строится на прямом назывании вещей. В 1.33 эпиграмме у Геллии умирает отец. На людях она плачет, а при закрытых дверях – нет, тогда поэт иронично отмечает: «Истинная грусть у того, кто сам по себе грустит». Ироничной может быть и насмешка (1.19). Иронию Марциал создаёт также при помощи риторического вопроса. Например: «*Liber homo es nimium*» *dicis mihi, Ceryle, semper. // In te qui dicit, Ceryle, «liber homo est»?* (Развязный человек ты слишком» говоришь мне, Керил, часто. А про себя что скажешь, Керил, «свободный человек?»). Таких эпиграмм в первой книге много – это одна из самых распространённых фигур речи у Марциала. Остановимся на эпиграмме 1.50 для анализа: «*Si tibi Mistyllos cocus, Aemiliane, vocatur – dicetur quare non Taratalla mihi?*» (Если твой Мистиллом повар, Эмилиан, зовётся – Называется почему не Тараталлой мой?). Здесь присутствует референция к гомеровскому тексту. В первой книге Илиады при жертвоприношении говорится: «Бедра сожегши они и вкусивши утроб от закланных, все остальное дробят на куски» (Ил. I, 464-465) [1, с. 149]. *Μίστυλλον τ' ἄρατᾶλλα* – рубить остальное. Эмилиан назвал своего раба Мистиллом, потому что *μίστυλλω* имеет значение «рубить», а Марциал, словно продолжая гомеровскую цитату, предлагает назвать своего повара Тараталлой – «всё остальное». В этой эпиграмме поэт обличает всех людей, которые делают вид, что владеют знанием греческого и греческой культуры для демонстрации статуса. Как можно заметить, риторические вопросы раскрываются в игре слов.

Итак, основным художественным тропом эпиграмма Марциала является ирония. Остальные средства выразительности используется редко, и поэт с их помощью создаёт стиль и образы, а не инвективу. Художественные средства позволяют приблизиться к пониманию философии творчества Марциала.

Библиографические ссылки

1. Гомер. Илиада ; пер. с древнегреч. Н. Гнедича. Москва : Художественная литература, 1987.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976.
3. Марк Валерий Марциал. Переводы и материалы URL: <https://www.martialis.ru/index.xps> (дата обращения: 13.04.2022).